

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА: ТЕОРИЯ О ТРИЕДИНСТВЕ РУССКОГО НАРОДА

В.В. Батяновский, студент

Московской педагогический государственный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2023-5-1-67-73

Аннотация. В данной статье рассматривается противоположная теория о «триединстве русского народа», целью которой было обоснования принадлежности белорусов для России. Сделан вывод о том, что теория о «триединстве русского народа» была одним из политических компонентов русского государства в политики экспансии и укрепления собственного влияния на территории бывшей Киевской Руси.

Ключевые слова: Беларусь, цивилизация, самоидентификация, нация, язык, культура.

Идея, у истоков которой стоял архимандрит Киево-Печерской лавры И. Гизел [12], основывалась на том, что разделение единого русского народа произошло в удельно-вечевую эпоху под воздействием отказа от лестничного права – перехода от взаимосвязанной горизонтальной системы правления от брата к брату к новой обособленной вертикальной системе от отца к сыну. Именно в этот период происходит образование разных русских народностей. В течение исторического развития эти народности приобретают свои особые черты, тем самым все больше обособляясь от друг друга. Однако, этот процесс разделения не должен стать преградой для нового образования единого русского государства. Основой ему должны стать сохранившиеся общие для всех народностей общерусские черты.

Через представленную теорию правители Российского царства, а затем Российской Империи стремились обосновать свое право на земли бывшей Киевской Руси – борьба с Речью Посполитой, Османской Империей, Крымским ханством и т.д. имела историческое значение в деле восстановления единства некогда разделенного государства и народа.

Позже, в эпоху оформившегося мирового порядка больших европейских империи, Венской системы, теория преобразовалась – она ушла от чисто политического к теоретико-историческому оформлению. Явление этого перехода было тесно связано с двумя взаимосвязанными процессами.

Во-первых, историческая эпоха развития массовой индустрии потребовала от российского государства кардинальных изменений в организации своего хозяйства. Прежний, в большинстве своем аграрный, тип производства с незначительным участием мануфактурной хозяйства не мог обеспечить нужды в первую очередь армии для успешного противостояния европейским державам. Проигранная Крымская война ясно показала, что России нужна крупная индустрия для производства новейшего, более точного и смертоносного, оружия. Для развития этой индустрии потенциальным промышленникам требовалась, на начальном этапе, предложение массовой дешевой рабочей силы. Обеспечение же этой дешевой, сконцентрированной в городах, силы требовало иного типа распределение прибавочная продукта. Прежняя, в большинстве своем закрыто-общинная форма производства и потребления производимого натурального прибавочного продукта, уже не могла прокормить растущие города. Требовалось высвободить огромные массы крепостного сельского населения для организации уже рыночного типа ведения хозяйства [4].

Однако, освобождение от крепостного права имело далеко идущие последствия. Прибывшая в города голодная люмпенизированная масса имела совершенно разные этнокультурные, языковые и проч. корни. Некогда считавший себя одним народом масса в озлобленном состоянии голода и нищеты неожиданно осознала,

что она имеет не только общие, но и различные друг от друга черты. Многовековое влияние разных культурно-цивилизационных систем, с учетом изначально имевшейся между восточнославянскими племенами разницы [1], сильно отдалило некогда существовавший единый народ.

Некогда описанный З. Фрейдом биолого-психологический принцип «свой-чужой» [7], с условием вышеописанного бедственного положения, большой конкуренции на рынке труда и беспощадной, ничем не ограниченной, эксплуатации, спровоцировал ненависть и вражду по отношению к не похожим, то есть «чужим», представителям нового класса пролетариата. Враждой стремились воспользоваться разнообразные представители революционного движения. От либерально настроенных кругов, стремившихся преобразовать систему по европейскому (немецкому или английскому) образцу [13], до настроенных на высвобождения больших масс трудящихся от эксплуатации нарождающегося капитализма разнообразных марксистских движений. Для нас же, в силу специфики исследуемой проблемы, особый интерес представляют разнообразные революционные-национальные движения. Романтические настроенные интеллигенты и мечтавшие вернуть свою независимость от Санкт-Петербурга разнообразные аристократы, через принцип «народного просвещения» и развития разнообразных национальных культур, стремились обосновать свое право на самостоятельное существование от экспансионистской настроенной великоросской, то есть «Маскальской», культуры.

Так, во-вторых, на территории Беларуси большое значение имели разнообразные социально-революционные студенческие кружки. На одном из них, в 1881 году, романтизированная молодежь впервые обосновала культурно-исторические причины обретения независимости Беларуси от России [6]. Позже, революционные кружки объединились под главенством единой организации «Беларуской Рабочей Грамады». Движение, основанное братьями Луцкевич, не имело четкой политической про-

граммы на развитие собственного самостоятельного государства. Однако, благодаря этому движению, широкие общественные массы получили возможность консолидироваться вокруг своего этнокультурного признака [17]. Особую роль в развитии этого культурного самосознания нужно отдать известному белорусскому поэту Я. Купале, в стихотворениях которого впервые обосновывалась этническая и культурная самостоятельность белорусского народа:

«И кто там идзе, а кто там идзе
У агромністай такой грамадзе?
— Беларусы.

А чего нет в пустыне,
На руках ў криви, на нагах в кавычках?
— Сваю крыўду.

И куды ж нясуц гету крыўду ўсю,
А куды нясуцы на паказ сваю?
— В мире мира.

И кто такой хета их, а не адзин миллион,
Крыўду несц наўчыў, *razbudziŭ ix son?*
— Бяда, гора.

И чаго, чаго насмехался над ними,
Пагаржаным век, им, сляпым, глухим?
— Людзьмі звацца» [7].

Напитанное гордостью и горем за свой народ, стихотворение «А хто там ідзе?» является гимном-предвестником борьбы белорусского народа за освобождения от многовекового «пагаржаным», то есть угнетения со стороны других наций. Предвестником этой борьбы является возрастающая нужда народа в свободном отстаивании своей «Крыўду», то есть своей слабостью и голодной «правды», на что наталкивают слова... «на руках ў криви, на нагах в кавычках?».

Важное место стоит выделить аллюзии на белорусский народ через сравнение его с дикими лесными людьми в переводе известного русского писателя М. Горького... «А кто там идет по болотам и лесам» [2]. Беларусы, в контексте самого автора и переводчика, являются большой, но дремучей массой. Она не осознает ни загадок

материального мира, ни проблем высокого общества. Однако, несмотря на дремучесть и худость, внешнюю неприглядность, беларусы идут вперед. Как некогда горьковский Данко [3], несут они в себе огонь правды – о мучении и страдании, о горести и печали. В конце этого пути они должны найти свое исцеление в божественном лучезарном лице Господа Бога – символа доброты и блаженства. Таким образом, через долгий и изнурительный поход, народ добьется своей цели – получит так давно желаемое просветление, то есть свободу.

В подобных условиях возрастания национально настроенного революционного движения императорская власть не могла не представить обществу западных окраин империи здравую, научно обоснованную альтернативу. Такой альтернативой, как было указано выше, стало научное обоснование теории о «триединстве русского народа». Известный русский историк В.О. Ключевский обосновывает распад единого восточнославянского народа на части в результате династической вражды между возрастающими потомками Рюрика... «сначала племя Ярославичей распадается на две враждебные ветви, Мономаховичей и Святославичей: потом линия Мономаховичей, в свою очередь, разделилась на Изяславичей волыньских, Ростиславичей смоленских, Юрьевичей суздальских, а линия Святославичей – на Давидовичей черниговских и Олеговичей новгород-северских. Каждая из этих ветвей, враждуя с другими из-за владельческой очереди, все плотнее усаживалась на постоянное владение в известной области. Потому, с другой стороны, одновременно с распадом княжеского рода на местные линии и русская земля распадалась на обособленные друг от друга области, земли» [5]. Политический кризис династической распри стал причиной большой катастрофы захвата и подчинения русских земель между разными политическими образованиями – Золотой Ордой на востоке, Королевством Польшей и иными католическими государствами на западе. Однако, не смотря на распад и покорение, русские земли смогли сохранить в себе те или иные признаки единства: власть по-

томков Рюрика (князя), дружина (военизированные сподвижники князя, будущие вельможи, аристократы), обще восточнославянская культурная принадлежность и символическое понимание Киева, как центра русской земли... «оно также все более и все чаще приучалось думать о Киеве, где сидел старший князь Русской земли, откуда выходили все добрые княжеские походы в степь на поганых, где жил высший пастырь русской церкви, митрополит всея Руси. Сосредоточивалась наиболее чтимые святыни Русской земли. Выражение этого народного отношения к Киеву мы встречаем в известном духовном стихе о Голубиной книге. Отвечая на вопрос, какой город всем городам мать, он иногда, забывая про Иерусалим, поет: «А Киев град всем городам мать» [5]. Эти общие черты связывают разорванный народ в единое целое, позволяют, не смотря на все появившиеся за время распада и покорения различия, вновь объединить общий русский народ в единое целое.

Подобный взгляд на историю обосновывал внутривосточную позицию государства в отношении национально-революционных объединений. Все, кто пытался обосновать независимость белорусской этнокультурной общности были признаны врагами не только императорской власти, но и всего русского народа, так как, стремясь отделиться одну часть народа от другого, революционеры не давали единой общности реализовать свои Богом данные цели защиты последнего рубежа православной веры и освобождения православных славяно-балканских народов из под ига турок-османов.

Консервативная, по причине органического понимания державного образования, теория легла в основу многих не только прогосударственных, но и оппозиционно настроенных к императорской власти объединений. Так, в своей знаменитой речи лидер партии «конституционных-демократов» П.Н. Милюков заявлял, что... «идя дальше, следуя вашей политике, вы ведь должны будете сказать: «Россия только для великороссов!». Нет, господа! Этот лозунг есть даже не лозунг русификации, это есть лозунг разъединения. И те,

которые приходят на эту кафедру с подобными предложениями, именно они и виноваты в том, в чем вы обвиняли нас. Это они – не создатели, а разрушители. Это они – не объединители, а разъединители России» [11].

Даже несмотря на интернациональную и космополитическую позицию партии большевиков, теории, после революции 1917 года, удалось преобразоваться, сменить политический окрас, стать основой для строительства новой страны. Однако, по началу, теория не встречала восторженной поддержки у власти. Новые лидеры страны видели проблему социальной неприязни в искусственно создаваемой буржуазией ненависти между народами. Особое внимание отводилось взаимоотношениям между титульными и покоренными нациями – буржуазия первых проводила экспансию и грабила менее развитые народы для получения дешевого сырья не только для удовлетворения своих нужд, но и для того, чтобы сдерживать недовольство беднеющей в метрополии массы... «А Сесис Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистических идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком «Хлеба, хлеба», я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти 40 миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [8]. Учитывая это, большевики стремились разрушить сложившийся в России империалистический порядок для высвобождения малых народов. Им, свободным от прежнего политического гнета со стороны бывшей метро-

полии, предстояло стать союзником российского пролетариата. Прежняя национальная рознь должна была смениться чувством классового антагонизма к общему врагу – к национальной и мировой буржуазии.

Однако, стоит заметить, что национальная политика первого правительства Советской России носила ситуационно политический характер. Признание за беларусами право создать свое независимое от России государство происходило на фоне неудач борьбы советской власти на бывших западных рубежах империи. Возникшая, подобно птица феникс, из пепла истории независимая Польша, под руководством Ю. Пилсудского, стремилась восстановить границы 1772 года. Опасаясь продолжения на восток агрессивной польской экспансии советское руководство... «приняло и провело в жизнь решение о создании ССРБ. Это решение не было подготовлено предшествующим развитием белорусского национального движения, не стало результатом широкого массового движения» [6]. Советская Беларусь, несмотря на декларативную идеологическую позицию, была создана буфером между Польшей и Советской Россией.

История не имеет иносказательных наклонов, однако, можно предположить, что без военной угрозы со стороны Польши Советская Беларусь никогда бы не появилась. Та культура, которую с таким трепетом развивали восточно-польские, а затем белорусские интеллигенты, не получила бы никакого реального импульса для развития. Большевики, руководствующиеся, в первую, очередь социально-экономической стороной вопроса, не были бы заинтересованы в отторжении от единого российского пространства развитой в сельскохозяйственном плане территории. Не многочисленный пролетарий был бы назван русским пролетарием, так как его языковая и, отчасти, культурная особенность была тесно связана с Россией. Это было связано с тем, что городское население, на которое, вообщем-то, и ориентировались, в-первую очередь, большевики, в основном говорило на территории современной Беларуси на русском. Этому спо-

собствовало этнокультурное разнообразие региона – польская, литовская шляхта и крестьяне беларусы имели свои, чем-то похожие друг на друга, но все же отличные, языки. Для гармоничного общения, в условиях постоянно возраставшей потребности растущего товарообмена, требовался единый язык межкультурного общения. Таким языком, в силу политики метрополии, стал русский [13]. В сельской же местности, где товарообмен происходил намного реже, белорусский язык был преобладающим среди жителей региона. Однако, как уже было замечено выше, для большевиков это было не важно – мелкобуржуазный класс представлялся вынужденным союзником в борьбе с буржуазией. Язык потенциально опасного, в силу неискоренимой погони за богатством и жажды обогащения, класса [8] признался бы одним из «деревенских» ответвлений единого прогрессивного русского языка. А за языком и самобытная беларусская культура была бы признана региональной мелкобуржуазной культурой местного населения.

Однако, возвращаясь к реальности, ситуационный принцип реакции на происходящие во вне и внутри политические события вынудил большевиков пойти не только на признание, но и на поддержку развития беларусской культуры. Этому, так же, как и на Украине, способствовала никуда не исчезнувшая Польская угроза. Пилсудский, после советско-польской войны 1919-1921 года, не потерял желания вернуть исконные, по его мнению, земли в единое пространство Речи Посполитой. Политика польского государства была направлена на всенародную консолидацию в деле реставрации некогда почившего государства. Отдельные проявления этнокультурного разнообразия воспринимались сепаратизмом. На территории западной Украины и Беларуси развернулась кампания полонизации – те или иные собрания и культурные центры разгонялись и подавлялись, население, под угрозой расправы, заставляли разговаривать на чуждом польском языке [10].

Советское правительство, прекрасно осознавая угрозу со стороны западного со-

седа, формировало свою политику в рамках культивации местной культуры. Большевики пытались противопоставить себя Польше – Москва, в лице местного населения, должна была предстать поборником национального многообразия и свободы [13]. Однако, несмотря на это, политика большевиков постепенно менялась. Политика культурного разнообразия подрывала целостность созданной в 1922 году Советской державы. Беларусь, так же, как и Украина, претендовала на самостоятельное не только социально-культурное, но и политическое, экономическое и проч. развитие от Москвы. Подобная заинтересованность не могла соответствовать курсу победившего во внутривластной борьбе И. Сталина. Генеральный секретарь, к концу 20-х годов, в силу социально-экономических причин саботажа со стороны крестьян в вопросе продаже хлеба по установленным государством ценам [15], был нацелен на проведении крупных экономических изменений. Через коллективизацию предполагалось навсегда решить наболевший крестьянский вопрос – относительно рыночный пряник НЭПа заменялся плеткой насильственного объединения крестьян в единое, на подобие фабрик, хозяйство. В подобных условиях малейшая, даже потенциальная, самостоятельность воспринималась противодействием предстоящей новой политики государства. Репрессии в отношении национально настроенных республиканских элементов были первым шагом на пути к грандиозным преобразованиям... «Уже в конце 20-х гг. руководство СССР взяло курс на индустриализацию и коллективизацию и установления жесткого контроля над союзными республиками. В 1929 г. главным врагом социализма в БССР была объявлена идеология национал-демократизма (нацдемовщина). В 1930 г. органы ОГПУ отчитались Москве о раскрытии несуществующей контрреволюционной организации Союза освобождения Беларуси во главе с Янкой Купалой и Всеволодом Игнатовским. Начались аресты интеллигенции: ученых академических институтов, писателей, вернувшихся эмигрантов, преподавателей Белгосуниверси-

тета и других учебных заведений. (...) Вторая волна репрессий прокатилась по Беларуси в 1933-1934 гг.; она была направлена против так называемых польских шпионов из Белорусского национального центра. Пик политических репрессий пришелся на 1937-1938 гг. Как отмечает Шибека, «во время массового террора 30-х гг. всего осужденных в Беларуси было не менее 600 тыс. человек, а пострадавших от репрессий (непосредственно или косвенно) – намного больше – два или три миллиона» [13].

Именно в это время идея о свободном развитии белорусского и украинского этноса была вновь заменена теорией о «триединстве русского народа». Три славянские республики преподносились отличными друг о друга, но не отделимыми элементами целого – старшая сестра, в лице России, всегда не только помогала, но и направляла в верное русло своих младших сестер, Беларусь и Украину. Поэтому, неудивительно, что начавшаяся в 1920-е годы белорусизация и украинизация городов на территории республик была прервана. В городах, с преобладающим большинством, люди так и продолжали говорить на языке межнационального общения – русском. Белорусский же язык так и оставался средством коммуникации в сельской местности. Однако, с индустриализацией белорусской экономики во второй половине XX века, с возрастанием потребности в увеличении рабочей силы на производстве, население массово стало переселяться в города, где самым распространенным средством общения был русский. К концу XX века, когда процесс индустриализации достиг своего пика, большинство населения проживало в городах, где основным средством общения признан русский язык. Неудивительно, поэтому, что японский исследователь Го Косино, член центра

славянских исследований университета Хоккайдо [14], отмечает, что белорусский язык является лингвистическим символом, но не основным средством коммуникации между гражданами страны [13].

Подводя итог, стоит заключить, что все вышеописанное свидетельствует о том, что теория о «триединстве русского народа» была одним из политических компонентов русского государства в политике экспансии и укрепления собственного влияния на территории бывшей Киевской Руси. Признавая имеющиеся у народов отличия, теория концентрировала свое внимание на том, что разделение восточнославянского этноса имело чисто политическую проблематику. Междоусобная борьба потомков Рюрика породила искусственно навязанные отличия у некогда единого народа. Теория совершенно не учитывает того факта, что формирование разных этногрупп восточных славян было связано с характером совершенно разного взаимоотношения сначала с соседями, а затем с подчинившими их народами. Литовцы и поляки, точно так же, как и монголы, татары и др. народы навсегда привнесли в восточнославянский этнос свои культурные, языковые и хозяйственные особенности. Также немаловажным является и то, что включительно до начала XX века большинство этнических белорусов не осознавала себя отдельным, единым этносом. «Триединство» формировалась в кельях и кабинетах для высших сословий для оправдания экспансии на запад. В дальнейшем, с условием пролетаризации масс и появления национальной интеллигенции, теория должна была убедить людей в том, что борьба за национальную самостоятельность не имеет смысла – народ един, его отличия искусственны.

Библиографический список

1. Гимбутас М. Славяне: Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. – 216 с.
2. Горький М. ПСС в 25-ти томах. – М., 1971. Т. 11. С. 515, 611.
3. Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. «Библиотека Всемирной литературы». – М.: Художественная литература, 1975.
4. Ионов И. Н. Российская цивилизация. – М.: Просвещение, 1995. – 320 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 1278 с.

6. Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918-1921 гг. – М.: Центрополиграф, 2019. – 222 с.
7. Купала Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 1. Вершы, пераклады 1904-1907. – Мн., Маст. літ., 1995. – 62 с.
8. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. – М.: АСТ, 2021. – 224 с.
9. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Б. м.: Б. и., 1894.
10. Маркелов Н.А. «Полонизация» и «советизация» Западной Белоруссии: сравнительный анализ политики ассимиляции и интеграции // Вестник МГИМО. – 2017. – №6 (57).
11. Милюков П.Н. Россия для русских. – М.: Smart Power Journal. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smartpowerjournal.ru/040714/> (дата обращения: 16.04.2023).
12. Павлов Д.Б. Центр славянских исследований университета Хоккайдо. – М.: Московский институт радиоэлектроники и автоматики, 2010.
13. Радзиевский, В.А. Украинская культура и "русская мозаика" / В.А. Радзиевский // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – № 4 (37). – С. 28-34. – DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-28-34. – EDN MILUJV.
14. Ровдо В. Сравнительная политология. В. 3 ч. Ч. 3. – Вильнюс: ЕГУ, 2009. – 352 с.
15. Турлай И. С. Урок отца народов Сталина и батька Лукашенко, или, как преодолеть экономическое отставание. – М.: Алгоритм, 2018. – 144 с.
16. Палуян У.А. Беларуска сялянска-рабочая грамада. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 223 с.
17. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я»: [сборник] / З. Фрейд; [перевод с немецкого А. Анваера]. – М.: Изд-во АСТ, 2022.

**CULTURAL AND HISTORICAL PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF THE
BELARUSIAN PEOPLE: THE THEORY OF THE TRINITY
OF THE RUSSIAN PEOPLE**

V.V. Batyanovsky, *Student*
Moscow State Pedagogical University
(Russia, Moscow)

***Abstract.** In this article, the opposite theory about the "trinity of the Russian people" is considered, the purpose of which was to justify the belonging of Belarusians to Russia. It is concluded that the theory of the "trinity of the Russian people" was one of the political components of the Russian state in the policy of expansion and strengthening of its own influence on the territory of the former Kievan Rus'.*

***Keywords:** Belarus, civilization, self-identification, nation, language, culture.*